

Он вырос в неполной семье, с детства жил с матерью, вдвоём они держались друг за друга. Но мать много работала, не могла уделять ему столько внимания, как другие матери, времени на общение тоже было мало. Однако позже мать заболела, и он наконец мог быть с ней день и ночь.

Но мать была похожа на мандарин: с каждым днём кожа становилась всё более сморщенной, старость была видна невооружённым глазом, а под конец она почти не могла сказать ему и пары слов в день.

И его мир тоже изменился беззвучно.

Под взглядами сожалений всех одноклассников он, с портфелем за спиной и картонной коробкой в руках, покинул школу. Уже почти выйдя за ворота, кто-то догнал его.

Это была девушка, сидевшая за ним за партой.

Девушка с покрасневшими глазами смотрела на него:

— Цуй Нин, ты ещё вернёшься?

Он посмотрел на знакомое учебное здание позади. Белое здание школы купалось в тёплых лучах закатного солнца, изредка мимо проходили одноклассники в школьной форме.

— Нет, — Цуй Нин отвел взгляд и пошёл прочь.

С того момента, как мать заболела, Цуй Нин внушал себе: он не должен сломаться, не должен показывать матери свою мягкую сторону.

Но в холодные зимние месяцы, ухаживая за матерью несколько месяцев подряд, он спешил домой готовить еду, по пути получал звонок от медсестры с требованием оплатить лечение, извинялся по телефону, готовил еду, шёл в банк за деньгами, затем ехал на автобусе обратно в больницу.

В автобусе было много людей, свободных мест не было. Цуй Нин крепко прижимал к себе термос с едой, но внезапно резкое торможение, он не смог удержать равновесие и резко полетел вперёд.

Он вместе с тем, что держал в руках, шлёпнулся на пол.

Цуй Нин почувствовал неладное и поспешил подняться, но было уже поздно. Выходя из дома, он слишком спешил и не проверил, плотно ли закрыта крышка термоса. Еда разлилась по всему полу и по его одежде. Пассажиры вокруг немедленно отодвинулись на метр, их взгляды выражали то сочувствие, то брезгливость, то облегчение.

В тот миг мозг Цуй Нина на мгновение отключился. Но он не мог стоять как вкопанный. Ему нужно было убрать разлитую еду, отчистить одежду, после выхода из автобуса купить новую порцию, затем отнести её в палату и накормить мать, наконец, спуститься вниз и отстоять очередь на оплату.

Столько дел ждало его, но он был так устал.

Почему именно сегодня он упал? Все предыдущие дни он проверял крышку термоса.

Он присел, чтобы собрать эту теперь отвратительно выглядящую еду, но слёзы неудержимо

хлынули наружу.

Когда же закончатся такие дни? За что небо так жестоко к нему?

Восемнадцатый день рождения он провёл в больнице.

Без торта, без поздравлений, даже без мягкой кровати. Он сидел на маленькой табуретке, вокруг раздавались стоны больных.

Это был ад. Он находился в аду.

В первый месяц после смерти матери Цуй Нин думал о самоубийстве, но он ещё был должен деньги родственникам, поэтому должен был жить, работать на четырёх работах в день, чтобы выжить.

Цюй Юйшань, хоть и вырос в неполной семье, был совершенно другим.

Цюй Юйшань с рождения находился на стартовой линии жизни, в мире, с которым тот никогда не сталкивался, который можно было описать самыми прекрасными словами.

Цюй Юйшань мог наслаждаться всеми прекрасными вещами в мире, а ему, чтобы просто выжить, приходилось прилагать невероятные усилия.

Такие совершенно разные они встретились.

Поначалу он ненавидел Цюй Юйшаня, потому что считал того поверхностным, высокомерным, думающим, что деньгами можно купить всё, включая сердца людей.

Но со временем Цуй Нин обнаружил, что это он всё время был предвзят к Цюй Юйшаню.

Цюй Юйшань был как торт, который он, голодный, видел в витрине в холодную дождливую ночь. Торт был сладким и ароматным, он незаметно соблазнялся, но не хотел признавать свои чувства, только в голове перебирал слова, чтобы опорочить торт.

Но когда прохожий заходил в кондитерскую и пытался взять тот торт из витрины, он злился.

Более того, во сне он уже представлял, как будет наслаждаться этим тортом.

Даже вдали от торта его аромат всё ещё витал в воздухе.

*

Услышав слова Цуй Нина, у Цюй Юйшаня заныла кожа головы, и он поспешно сказал:

— Я не про такой острый имел в виду, Цуй Нин, сначала встань.

Цуй Нин, услышав это, замер. Осознав, что неправильно понял, краска с мочек его ушей быстро схлынула. Он ничего не сказал, с каменным лицом приготовившись подняться.

Только его руки были связаны, и подниматься было неудобно. По неосторожности он снова надавил на Цюй Юйшаня.

Цюй Юйшань тут же крикнул от боли, а его ноги невольно поджались.

Цуй Нин на секунду застыл, затем посмотрел на место, которое зажимал Цюй Юйшань. Даже Цуй Нин тут не смог не запаниковать.

— Господин Цюй, я... с вами всё в порядке?

Цюй Юйшань, крикнув, счёл это унижительным и не хотел больше издавать звуков, но такая его реакция лишь сильнее убедила Цуй Нина, что дело серьёзное.

Цуй Нин, не обращая внимания на то, что руки ещё связаны, потянулся расстегнуть ремень Цюй Юйшаня.

— Не надо! — Цюй Юйшань поспешно схватил руку Цуй Нина.

Его белое лицо сейчас залилось румянцем, будто снег, окрашенный цветочным соком, а глаза от внезапной боли стали влажными.

— Я... я в порядке.

Но после этих слов в ответ наступила тишина. Цюй Юйшань увидел, как Цуй Нин застыл, смотря на него, и вдруг почувствовал неладное. Он отпустил руку Цуй Нина и, забыв о боли, попытался подняться и уйти с этой кровати.

Но сидевший юноша снова набросился на него.

Видя, что у того всё ещё повреждён глаз, ему пришлось принять его в объятия.

А это объятие дало тому ещё более неверный сигнал.

Губы Цюй Юйшаня снова были поцелованы.

На этот раз поцелуй был гораздо жёстче. Юноша был как волчонок, безжалостно кусая тёплые мягкие губы. Цюй Юйшаня кусали так, что он не мог сдержать вскрики, не успел даже обругать, как кусающий сначала сквозь зубы пробормотал ругательство.

— Ты всегда так, соблазняешь меня. — Ругаясь, он продолжал кусать.

Цюй Юйшань чувствовал, что его сейчас съедят.

— И во сне, и наяву.

Цюй Юйшань, не выдержав боли, изо всех сил оттолкнул того. На этот раз он действительно рассердился.

— Что за чушь? Когда я тебя соблазнял?

Цуй Нин уставился на непомерно покрасневшие губы Цюй Юйшаня, подумал несколько секунд и всё же проглотил слово сейчас. Он отвел взгляд, опустил голову, тщательно скрывая ещё не угасшее желание в глазах.

— Простите, господин Цюй, я не хотел.

У Чу Линя было определение для своего босса — сговорчивый.

Цюй Юйшань и вправду был сговорчив.

Видя, как Цуй Нин повесил голову, с видом искреннего раскаяния, гнев в его сердце постепенно рассеивался.

Ладно, возможно, действительно нельзя винить во всём Цуй Нина. Его слова действительно могли быть поняты двояко, нет, не двояко — эти слова и были двусмысленными.

Но этот зайчишка тоже укусил слишком больно, неизвестно, не порвал ли кожу. Цюй Юйшань не удержался и потрогал свои губы, затем спустился с кровати и пошёл в ванную посмотреть в зеркало.

Цюй Юйшань тщательно проверил и обнаружил, что они просто очень красные, но кожа не порвана. Гнев снова поутих.

Гнев поутих, и он вспомнил о ещё не пройденном сюжете.

На этот раз Цюй Юйшань не собирался ничего выдумывать. Он решил действовать быстро.

С такой мыслью шаги Цюй Юйшаня, когда он вышел, были решительными и твёрдыми, на лице даже читалась трагическая решимость идти на смерть. Только, остановившись перед Цуй Нином, он невольно замедлился.

Цуй Нин сидел на краю кровати. В отличие от переодевшегося в костюм Цюй Юйшаня, на нём была удобная туманно-голубая пижама. При свете лампы его волосы были мягкими, а поднятое лицо — красивым и изящным.

Надо сказать, внешность Цуй Нина действительно была обманчивой. Если он хотел, он мог казаться безобидным, особенно для такого в некоторых вопросах непонятливого Цюй Юйшаня.

Частично быстрое угасание гнева Цюй Юйшаня объяснялось кажущейся безобидностью Цуй Нина. Эта же безобидность заставляла Цюй Юйшаня колебаться в прохождении сюжета.

Неужели ему действительно нужно стягивать штаны с Цуй Нина?

Хотя Цуй Нин уже совершеннолетний, но...

Нет, нельзя больше думать о том о сём. Протянуть руку, стянуть штаны — вот и всё, просто, не нужно усложнять и ничего объяснять. Его персонаж изначально был охваченный похотью пушечное мясо — подонок-актив.

— Господин Цюй? — Цуй Нин, видя, что Цюй Юйшань всё стоит перед ним, ничего не говоря, только с постоянно меняющимся выражением лица, не выдержал и окликнул его.

Едва прозвучали эти слова, взгляд Цюй Юйшаня устремился на него. Цуй Нин ещё не успел проанализировать, о чём думает Цюй Юйшань, как к нему потянулись руки.

Те руки легли на его плечи и повалили его на спину.

Цуй Нина внезапно прижали за плечи, инстинктивно он хотел сопротивляться, но, вспомнив, что это Цюй Юйшань, передумал и покорно лёг под его нажимом.

Только лёжа, Цуй Нин почувствовал, как руки на его плечах быстро убрались, а через две секунды те же руки оказались на его бёдрах. Цуй Нин не успел открыть рот, как услышал резкий звук шурш и почувствовал прохладу на теле.

И без того тихая спальня стала ещё тише.

<http://bllate.org/book/15596/1390540>